

ВЛАДИМИР ФЁДОРОВ

* * *

Вот и кончился век,
Дотянул, старина, до заката
И сгорел, полыхнув
Фейерверком прощальных огней.
И летит серый снег,
Как Везувия пепел когда-то,
Хороня с головой
Каждый дом деревеньки моей.

А домов в ней не счесть —
Целых три на лесную Помпею.
Правда, тот без дверей,
У другого — ни рам, ни полов.
А в моём — даже печь,
Он пока не подвластен Борею
И пригоден вполне
Как прибежище грусти и снов.

А календы метут,
А недели под окнами плачут,
И негромкий огонь
Не пытается их превозмочь.
Я бы здесь не вздыхал,
Но никак не могу я иначе:
Я за снами сюда
Прихожу почти каждую ночь.

Я чуть-чуть посижу
И исчезну среди снеговья,
Понесу свои сны
В городские чужие края.
А она будет ждать —
Не открытая мною Помпея,
Не открытая солнцу
Ночная столица моя.

А она в забытии
Станет прошлым и будущим
Бредить,
В потаённых углах
Безнадёжно надежды тая.
И бродить меж домов
Будут белые духи-медведи,

Шатунами годов
Карауля меня.
Ну, а я?..

Я ещё прибегу.
Я ещё упаду на колени.
Я ещё этот снег
Разметаю до самых небес...
Но откроются мне
Только к стенам приросшие тени,
Да откликнется мне
Только горьким безмолвием лес.

ДОМОВЫЕ

За Чёрным мысом, где клубятся ели
И смотрят звёзды в чёрный окоём,
Они устало у костра сидели
И что-то пели грустно о своём.

От песни этой сумрачной и древней
Сникали травы в тишине лесной,
И только где-то призраки деревни
Дрожали миражами за спиной.

И только где-то на погосте старом,
Сокрытые годами и листвою,
Вставали тени белые по парам
И горько в такт кивали головой.

Их голоса кружил по долу ветер
Среди деревьев тёмных и чужих...
Нет ничего печальнее на свете,
Чем песня трёх бездомных домовых.

В ПОЛНОЛУНИЕ

Поднимусь и выйду в сени,
Окунусь в холодный свет.
Ни-ко-го...
Лишь две-три тени
Гонит ветром в сельсовет.

Лишь невидимый на горке,
Чуть мерцающая огоньком,
Дед Филипп, обув опорки,
В рукава дымит тайком.

Пус-то-та...
Как после боя...
Только полночь всё равно
Крутит старое, немое
Чёрно-белое кино.

Пляшет лунная дорожка,
И по ней поверх травы
В никуда летит Тимошка —
Тракторист без головы.

Ти-ши-на...
Лишь эхом боли
Разбудить пытаюсь мир,
Ржавый ключ радистки Поли
Выбивает "SOS" в эфир.

г. Калуга

АНДРЕЙ КРЕСТИНИН

О РУССКОМ

На кухоньке тесной, где есть огурцы —
Солёные, с хрустом, —
Где пели и спорили наши отцы,
Пошепчем о русском.
О том, что зима наша будет теплей,
А лето — дождливей.
Чиновники стали корыстнее, злей,
Хитрее и лживей.
О том, что больны мы растратою дней,
Распутицей пьянства.
И просим у Господа вместо детей
Удобства и яства.
Всё меньше нас в мире, и кажется, что
Живём в Москвостане.
И наши слова — как вода в решето,
А петь — перестали.
“Наверх, вы, товарищи, — все по местам!”
Неужто забыли?..
И будто бы эхом гудит Москвостан:
“Вы были, вы — были...”
И надо признать, что настала пора
Задаться вопросом:
“Нам быть иль не быть, если жизнь не игра,
А путь над откосом?..”
Вот свет отключили — сидим до утра
При месяце тусклом.
Что солнцу и нам подниматься пора —
Воскликнем на русском!

* * *

Я житель Проклятой деревни,
Где старики сошли с ума,
И ветром валяются деревья
На деревянные дома,

Где невозможно жить
без водки.
И с водкой — вряд ли проживёшь.
У мужиков остались глотки,
А на столе — стакан и нож.

И чучело на огороде
С забавным прозвищем “Чума”

Стоит весь день,
А ночью — ходит,
Не знает, как сойти с ума.

* * *

Сегодня я просто гуляю.
Сухую листву ворошу,
Хор-р-рошего Ваньку валяю,
О жизни своей не тужу.

Тугой воробьиной картечью
Стреляет прозрачный денёк.
Обнюхав тропу человечью,
Котёнок в засаде залёг.

Не ешь меня, рыжий котёнок.
Не бейте меня, воробьи.
Красавица в клёвых варёнках,
Меня ни за что — полюби!

Сегодня я просто гуляю,
А больше гулять не пойду.
Последнего Ваньку сваяю,
Последний денёк украду!

*г. Чаплыгин
Липецкой области*

ВИКТОР БРЮХОВЕЦКИЙ

ДАЛЁКОЕ

Ах, июль...
Золочёные стёжки!..
Неба, солнца и воздуха смесь...
Мы подроем на поле картошки,
Будем печь их в жестянке и есть.

Ни упрёка не будет, ни вздоха.
Подрывать — это не воровать!
До чего же прекрасна эпоха,
Если эту эпоху не знать.

Вот сидим мы, сопливые люди,
У ночного степного костра,
И луна в оловянной полуде —
И строга, и чиста, и мудра —

Озирает нас пристальным оком,
Брызжет синей росой по меже,
И рождается мысль о высоком,
О сакральном почти.
О душе.

Ленинградская область

ОЛЕГ МОШНИКОВ

ПЕТРОВ ЗАВОД

Безглавый силуэт собора
В знобящей памяти живёт...
Прославленный заводом город
Готовит к сносу Царь-завод.

Уже за вывеской сиротской
Сторожевой в почёте труд,
И зябче мгла Петрозаводска
Без огоньков кирпичных труб.

Что было для России важно,
Бездумно рушится — меж тем,
Неоценима, непродажна
Былая слава отчих стен:

Их можно только раскурочить!
Как низко ставится сейчас
Честь — называть себя рабочим,
И вымирать, как жалкий класс...

Разъяты рёбра арматуры,
Раствора вырваны куски...
На стенобитные халтуры
Идут смурные мужики.

До глаз натянуты шапейки.
Клубится пыльной тучей хлам —
Богатство тех, на чьи копейки
Был заводской построен храм,

И выжил, выстояв музеем,
Гонимой верою спасён...
Плывёт по нынешней Расее,
По корпусам пустым трезвон.

“Иной резон, иная мода”, —
Щепотью собраны персты...
С цехов Петровского завода
Сбивают тяжкие кресты!

* * *

Картофель финский везут в село,
Курей голландских — знать, дело швах:
Людей немало с земли ушло,
Когда бы в город — смотреть “Аншлаг”...

Пустеют маленькие города.
Гудят — в репейнике — ветряки...
Когда не смеяться до слёз — тогда
Россия наша умрёт с тоски

Под Богом, забором, чужим столом
С сивушной стопкой — да мимо губ...
А на иконе в углу пустом,
В глазах Господних — такая глубь...

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВ

РУССКИЙ КРЫМ

Игорю Кочетову

О, Русская земля — шагреневая кожа!..
В безмерности твоей немеет мысли взор.
Где древний Крым, с святой землёю схожий,
Нам Византии дал и глубины простор.

Дарован нам небесным провиденьем,
Суровой красотой возвысил отчий дух.
Как Пушкина любовь, был вольным упоеньем,
И твой огонь Креста доныне не потух.

О, Крым! Ты колыбель искусства и Эллады,
В закатах золотых твоя струится кровь.
Ты в душах северных пребудешь райским садом.
К познанию горнему ты пробуждал любовь.

Ты в нас живёшь такой тоской и страстью...
И вновь воскрес Потёмкинский завет.
Благословляешь нас неизреченным счастьем,
И мы храним тебя над бездорожьем лет.

Мы помним прадедов, в Крыму сложивших кости,
Поэтов, воинов и зодчих голоса!
Мы не случайные в твоих ладонях гости,
Мы братья вечности без меры и конца.

И сонм художников к твоей земле влечётся,
Для сердца русского ты Божие чело,
И волей тайною волна морская бьётся,
И мы летим сквозь времени жерло.

ЕЛЕНА ЩЕРБАКОВА

* * *

И к вечеру не смысл последний дождь позора —
Осенних тополей подкрашенную жуть,
И красно-жёлтый след несхваченного вора,
Я знаю, — это мне умышленная месть.

Понятен мне намёк на близость снегопада —
Уж мне ли годовых не посчитать колец! —
Я, может быть, для них высокая награда,
На древе бытия их мета, наконец.

И кажется, что я, далёкая по крови,
Уже как бы в плену четвёртого витка,
Но весело идти по первому покрову,
Когда внутри тепло последнего глотка.

Вот вылил небосвод украденные краски,
И чувствует плечо присутствие огня
В осеннем забытии за равнодушьем маски,
И камень не остыл в полметре от меня.

Ноябрь? Холода? — Зачитанная проза!
Мне видится тепло и в стёклышках во льду,
И кажется игрой предзимняя угроза,
Но я теперь сама из круга не сойду!

ЗЕРКАЛА

Зеркала, зеркала. Бестелесных хозяев чертоги.
Полномочья. Права. Деликатно отвергнутый быт.
По ту сторону стёкол беспечно живут полубоги,
А по эту, трудясь, подновляют усталые лица рабы.

Напряжение дня. Оборот повседневной рутины,
Но потребность — взглянуть на анфас обновлённый лица...
Притяженье? Магнит? Преимущество полой картины?
И вот так без конца. Два соперника. Два близнеца.

Кто кого? Даже трудно представить, что будет!
А пока, не сводя ни на миг настороженных глаз,
Мы сошлись в вертикально подвешенном мастером блюде,
Пололам разделённый неравным условием класс.

По ту сторону им как же так удалось утвердиться,
Послужил ли защитой тоненький слой серебра?
Не стеклянная кровь — узаконила эти границы?
А казалось, что мы одного изначально ребра!

Лос-Анджелес, США

СВЕТЛАНА ТЮРМОРЕЗОВА

РАЗГОВОР С БРАТОМ

Знаешь, брат, я устала от дальних дорог.
И душа моя рвётся к далёким донским берегам.
Как хочу я увидеть опять свой родной городок
И бежать по мосткам деревянным в плавучий наш храм.

Как хочу я качаться на тёплых и чистых волнах
И разгадывать тайны бездонных, недвижимых вод.
Слушать в балках чирикание звонких невидимых птах
И смотреть, как кружит над водою стрекоз хоровод.

И неспешно глядеть на прибрежные склоны холмов,
Где бежит прямо к солнцу поросший за лето лесок.
Замерев, наблюдать, как проворно спешит из кустов
Куличок тонконогий среди камышей и осок.

Знаешь, брат, я устала от дальних дорог.
От неискренних слов и излишней пустой суеты...
От машин и асфальта, высотных домов, городов...
Радость мне — мамин дом, счастье в том, что есть ты...

В ВЁШЕНСКОЙ

Ю. А. Дворяшину

Позади — лесистая долинка.
Впереди — плесканье сонных волн.
В заводи — жемчужные кувшинки.
Сердце дрогнет: “С добрым утром, Дон!”

После гроз ночных в прозрачных лужах
Травы на полянах. И легко
Над стремниною донскою кружит
Коршун чернокрылый высоко.

Он летит, паря над крутояром,
Крылья расправляя на лету,
Над осокорем белёсым старым,
Над душистой липою в цвету.

Поглядишь на плёсы, перекаты,
Заливные сочные луга...
Как, земля донская, ты богата!
Как душе смятенной дорога!

Ты зовёшь вседневно и всечасно,
Даришь несказанной красотой...
Не тревожь души моей напрасно,
Не кружи ты, коршун, надо мной...

* * *

Дон, как медленно время текло
на твоих берегах,
На твоих меловых,
ослепительно-белых горах.
Как причудлив узор был
колосьев зелёных осок,
Как струился в ладонях
горячий и влажный песок.
Как закат полыхал,
будто в небе жаркí расцвели,
Как клонились в степи
на душистом ветру ковыли...
И как праздничным днём
раздавался повсюду окрест
Над рекой тихоструйной
призывный густой благовест.
Разносился над взгорьем,
простором речным далеко...
Как дышалось свободно,
и в Храме молилось легко!

г. Сургут

НИКОЛАЙ ОБОЛОНСКИЙ

НЕФТЯНЫЕ ПРОМЫСЛА

На чалдонской,
узенькой лодчонке,
утром,
ослепительно бела,
мимо буровой моей девчонка
с томиком Рубцова проплыла.
Над рекой,
раскатисто и звонко,
на мостках крутнувшись,
как юла,
сколько ни кричал я ей вдогонку —
даже головы не подняла.
Мне с такой
не встретиться до гроба!
Вон как всколыхнулись камыши...
Вплавь за ней пуститься,
сбросив робу, —
мастер, закурив, не разрешит.

КАЛИНА

Неподалёку от вотчины беличьей,
Вход укрывая в монашеский скит,
Кисло и сладко, стыдливо по-девичьи
Красной росой возле сердца горит.

Дух отсыревший. Ни тучки на небушке.
Поободрался о сучья туман.
Целую жменью застенчивой девушке
В непромокаемый сыплю карман.

Ночью промозглой страдая бессонницей,
Вздрагивая на сиянье и звук,
Сыплется, красная, — не остановится,
И ничего не поделаешь, друг.

Мерно ударила дальняя звонница.
Хрустнула в чаще сосна позвонком,
Будто бы Боженьке, старая, молится,
Куст смоляным пропитав молоком.

СТИШОК ПРО ОСЕНЬ

Озерцо покидают утки.
Брызнув с ветки, роса свежа.
Заурчало в пустом желудке
Обмирающего бомжа.

Он, вылушивая колосья,
Как потомственный пилигрим,
Сочинил нам стишок про осень
И по родине бродит с ним.

Не найдя подходящей сцены,
На заброшенном чердаке
Стих прочтёт — домовый оценит.
Ухнет колокол вдалеке.

г. Одинцово

ВЛАДИМИР СОРОКАЖЕРДЬЕВ

СЕМЕЧКИ

Российская привычка лузгать семечки —
Не свалится какой-нибудь грозы,
Когда меня ударит бес по темечку
С ехидно-назидательным: “Грызи!”

И мужичок-психолог не отвадит,
Хоть сто лекарств на сердце положи;
Под семечки жена обеды варит,
А муж ракет рисует чертежи.

Бросают пить — надолго ли просушка? —
Семейно отдыхают у реки;
О классика! — дворовые старушки,
Чужой окрестной жизни знатоки.

А мой сосед, хмелея, свирепея,
Под семечки заводится опять:
Они — национальная идея
И нам, безродным, это не понять.

С утра опять он хнычется по-детски,
Взъерошенный, колючий, словно ёрш;
И вспоминает круглый герб советский,
Цветастый, на подсолнуха похож!

АЛЕКСАНДР НЕБЫЛИЦЫН

ОБИДА

*Григорию Булатову,
водрузившему Первое знамя
над поверженным рейхстагом.*

Было много нас летящих вверх,
На рейхстаг — туда, на крышу, в небо...
Просто первый, он один на всех, —
Каждый жаждал: мне бы, мне бы, мне бы...

Но смертельно-радостный угар —
Не почётный круг по стадиону:
Вырывали с кровью у врага
Каждую площадку и колонну.

Этот миг блаженства, я не вру,
Ощутить могу любой порою,
Как трепещет знамя на ветру
Алою победною зарёю.

Но удача усмехнулась мне...
— Вятский парень неуместен в строчке.
Разве можно, чтоб в такой войне
Не земляк вождя поставил точку?

Он герой, он шёл в атаки зло;
Я готов за ним в любую давку,
Просто мне чуть больше повезло,
Как в обед солдату на добавку.

Повезло ли?.. Как тут разберёшь...
Может, лучше было б... Боже правый...
Ведь подмена — это всё же ложь
И пятно на подвигах и славе.

Он достоин, что ещё сказать,
Пусть гордится род его отвагой...
Мне ж — Берлин, пылающий в глазах,
И десятки, сотни наших флагов.

Ну, согласен, может, не герой...
Может быть, не подвиг... может, просто...
А награда?.. Вот, пришёл домой...
Слава Богу, жив и целы кости.

Мне не нужно — память на века,
Просто что-то жжёт в груди, как в ране...
И дрожит солдатская рука,
И рябит в глазах, рябит в стакане...

*с. Вонданка
Кировской области*

ВИКТОРУ АСТАФЬЕВУ

*“Под горой живая река с мерцалой
синью...” (Из письма В. П. Астафьева
Е. Капустину дер. Сибла, 07.04.1975)*

Река с мерцалой синью под горой,
манящее молчанием заречье...
Как вечен свет, далёкий и родной,
так вечно беспокойство человечье.
И человечье только ли?
Близки
в печали тайной — травы, люди, птицы.
От капли малой до большой реки —
всё словно ждёт чего-то,
всё стремится
как будто вспомнить что-то, что давно
забылось...
Только отблеск звёзд высоких,
Воды впитав, на илистое дно
неслышно опускается в протоке.

г. Шадринск

ИЗ ЦИКЛА “АБРАМОВСКИЙ УГОР”

Памяти Фёдора Абрамова

1

Ой, зима, не охолонь
Стужею колючею!
Выручай-ка нас, гармонь,
По такому случаю.

Друг, играй, не мучай душу.
Чай, не мальчик, должен знать,
Коль под шапкой стынут уши —
Ног на месте не сдержать!

Ух, отвесим стуже плюху,
Дружно спляшем “топотуху”!

Эх, раз, да ещё раз,
Кто осудит нынче нас,
Коль в крови не “бормотуха”,
А шипучий бродит квас.

Вот бы люди поглядели,
Как мы с кваса... “захмелели”,

Как медовый пенный квас
Чуть покачивает нас.

Оттого и ходим шатко,
Ибо сварен квас давно.
У дубовой тёмной кадки
День и ночь бубнило дно.

Бойко доньшко бубнило,
Как нас Пинега манила:

“Гей, ребята, мужики,
Обживайте бережки!

В проруби не утоплю,
Но прохладой отрезвлю!

Ой, напрасно вы смеётесь!
Ой, да вон какие вы,
Материтесь, дерётесь!

Но как только окупнётесь —
Выйдет дурь из головы!..”

2

...А ну, поехали! Э-гей!
Держи покрепче вожжи!
Ух, прошибает до костей
Ознобной крупной дрожью!

Мороз! Ты жжёшь нас, как огнём,
Но хныкать мы не станем.
Мы полушубки запахнём,
Потуже гуж затянем.

Прикроем варежкой нос,
Загаркаем, засвищем.
И погрозим тебе, мороз,
Дубовым кнутовищем.

И пусть не видно хвойных вех,
Пусть яростно морозит,
Зато как хряско режут снег
Еловые полозья!

А снеговой всё злей и злей...
Плевать! В санях — солома.
И перезвоны трензелей,
Как отголоски грома.

У нас в руках вожжа туга,
А лошадь прёт с нахрапом...
Ух, круто выгнулась дуга!

Да не придавит нас пурга
Рассвирепевшей лапой!

*г. Касимов
Рязанской области*

ИРИНА МАРКИНА

* * *

Мы дети постсоветского пространства,
Крещёные под страхом исключенья
Из комсомола наших матерей...

Мы вышли в жизнь с растерянной душою,
Не знающей, какие ориентиры
Ей нужно выбрать, чтобы дальше жить.

Мы помним страх ушедших поколений,
Которые оставили в наследство
Его в составе наших хромосом...

Мы видели, как крепла вера в Бога,
Которую ни кары, ни гоненья,
Как храмы, обезглавить не смогли.

А наши предки, землю не покинув,
Не променяв Отчизну на покой,
Смогли вернуть ей прежнее сиянье,

Которым Бог её когда-то наградил.
Мы слышали: Россия возродится!

Но помнили: она не умирала,
А лишь несчастной и больной старухой
Смогла свой крест до Бога донести!

Теперь весь мир увидел: воссияли
Её кресты над главами златыми,
И вновь она идёт прекрасной девой
И шепчет с верой: “Да воскреснет Бог...”

* * *

Туман над речкой утренней... Пять лет
Мне лишь вчера исполнилось. Дорога...
И никого со мною рядом нет,
Но чувствую во мгле дыханье Бога.
И я Его не вижу, но легко
Мне с Ним идти дорогой каменистой,
Ведущей нас куда-то далеко,
А в небесах — лик Матери Пречистой...

г. Калуга

ВАЛЕНТИНА ЕФИМОВСКАЯ

ВЫБОР

Когда входили в бухту крейсера,
когда отец легко сбежал по трапу,
моё взмывало детское “Ура!”,
цепляя коршуна за бронзовую лапу
на обелиске в честь Погибших кораблей...
Под штормовым сердцебиеньем флага
“Вальс Севастопольский” я пела всех слышней,
я подпевала морякам “Варяга”.
От мамы знала, помнящей войну, —
нам никогда не подпоёт Европа...
Царю тому на верность присягну,
кто возвратит России Севастополь!

В НИКОЛЬСКОМ СОБОРЕ

Разбивается ветер о купы деревьев,
Что листвою рокочат, как море.
Но спокойно безбрежен мажорный распев
Поминальной молитвы в соборе.

Поминает священник Гангут, Наварин,
Основателя тверди Кроншлотта,
“Трёх святителей” подвиг, Казарского чин,
Краснозвёздных героев Балтфлота.

И влажнеют глаза молодых моряков,
И колени касаются пола.
Станет бремя служенья Отчизне легко,
Если рядом святитель Никола.

Санкт-Петербург